

Антропология и ужас: Ланд, Мейясу, Фишер и тень современности

Научный руководитель – Сандакова Людмила Борисовна

Плотницкий Максим Алексеевич

Студент (бакалавр)

Новосибирский государственный технический университет, Факультет прикладной математики и информатики, Новосибирск, Россия

E-mail: maxim.plotnitskiyreborn@gmail.com

Проблема: Почему наше время начало нас склонять в сторону "темной философии"? Почему же наша действительность, действительность без бога, ведет нас в самое темное русло в поисках ответа?

Ужас мировой ночи - наш мир без апостолов истины

Думаю, очевидно, что одним из главных апостолов истины в наше время стала наука, сместив с этого места церковь. Но есть небольшая загвоздка: церковь работала с бесконечным и трансцендентным, не требуя доказательств, так как эти характеристики исходят из догматики — истины, не доказуемой. Наука же требует основания и полноты: истина не есть догма, истина — то, что скрывается за ней, ее основания, иначе это лишь догматический тезис, принятый на веру. Наука жаждет быть всевластной, охватывая все, как и наш рассудок, но только вот она сама уже упирается в классическую проблему логической редукции. Либо делает некоторое замещение или незаметную подмену, используя интерсубъективное соглашение, отказываясь от идеи истины в ее чистейшем виде[8], поскольку в посткритическом мире сложно отделаться от проблем границ субъективного и объективного, от вещи в себе и нас. Даже философия со всем ее громогласным скептицизмом, как пишет Мейясу[7], не может отделаться от этого и постоянно вводит либо то, что вещь в себе недоступна, либо какую-нибудь уловку, дабы разорвать границу. Самый яркий тому пример — современные плоские онтологии.

Проблемы науки как апостола истины

Как мы ранее заключили, наука остановилась на интерсубъективном соглашении, как на догме (поскольку у нас есть вера, что повторение эксперимента всегда несёт один результат). Как отмечает Мейясу, науке ближе картезианство, чем кантианство, в её пределе и отношении к истине[7].

Проблему формальных систем или систем допущения, систем с догматическим началом, хорошо показал ещё Гёдель в своей теореме о неполноте[3]. Даже математика не способна выйти за пределы догматического круга.

Наука всегда пытается замедлить и лишить движения мир, как говорил Делёз[1]. Идеи формализации, дифференцирования и формул идут именно к этому, к отрицанию бесконечного, стараясь привести мир к порядку формул и уравнений. Бесконечное, как самое ужасное и неясное для нашего рассудка, отлично показывает наш недостаток знания и истины, являя страх научного метода перед ней.

К чему этот говор и критика? Ответ - ясен, исходя из изначальной проблематики, именно из-за отсутствия абсолюта, из-за отсутствия системы, что способна удовлетворить нас, мы начинаем исследовать самые темные закоулки, больше нам нечего терять, бог мертв, наука неполна, нам нужна, как сказал Мейясу найти абсолют без догматического начала[7], иначе бездна продолжит смотреть в нас, порождая такой ужас из которого уже не будет спасения.

Метафизические грабли: проблематичность ничто и доказательств

Логичным выпадом в сторону столь смелых утверждений будет: философия уже активно решает (или решила) такие проблемы. Однако, как доказывает Мейясу, она старается уверенно делать вид, что всё в порядке, на деле же удар Канта[2] до сих пор отзывается в нас, пугающе красивая "вещь в себе". Мейясу называет это корреляционизмом — мысль, развивающуюся из Канта.

Здесь самым интересным персонажами философии будут небытие, ничто, уже упомянутые абсолют и "вещь в себе". Назовем эту труппу — за гранью. Все они говорят о трансцендентном, но всё же говорят о нём по-разному. Философия разными путями пыталась откреститься от них и идти самым понятным путем: монады Лейбница, седьмое утверждение "Логико-философского трактата" Витгенштейна[5], мыслящее и протяженное Декарта[11] и его же доказательство бытия Бога.

Мейясу заметил, а до него отметил Кант, согласившись с Юмом[7], что доказательство из непротиворечия не работает с терминами класса "за гранью" быть может наш логический аппарат и ликует, но с таким доказательствами недалеко и до солипсизма.

Наше мышление, как писал Кант, заковано во времени и требует его для возможности логики и связи апперцепций, а термины что входят в класс "за гранью" выходят из темпоральности, разбивая его и бесконечностью. Самый фатальный урон в борьбе с таким классом, мы потерпели в 20 веке, особенно в разделе математики, Гёдель[3] и теория множеств Кантора[12], рассудок Рамануджана и споры вокруг первоначал математики. Быть может дело в человеке и его общностях?..

Смерть Бога, возвышение желания и идеологии: растворение субъекта

20 и 21 век повел общество и человека в очень необычное русло. Фишер[10], продолжив мысли Делёза, дал отличный очерк об этом.

- коммодификации культуры - танец постмодерна и выжигание трансцендентного и искреннего
- наши системы рынка и бизнеса приводят к интересным результатам, они становятся отражением систем тоталитарного толка - отчет ради отчетов, отчеты, что уже не отражают своей сути, кафкианский судья, что существует и не существует(снова небытие)
- Депрессия, что как паутина плетется пауком вне бытия, среди наших умов - мы стали настолько счастливы, что у нас стало так много себя, что нам попросту невыносимо - мы предпочитаем сон среди удовольствий и твердых идей, будь это ортодоксальная философия, идеология или религия. Те кто познали сияние Солнца в пещере Платона, ослепли - от света терминов класса за гранью нас
- Капитализм обещал стабильность, ясный доход и возможность отдыха будучи в облике Ахамкары, в итоге выполняя наши желания в самом извращенном виде. Капитализм стал отражением систем знания Канта[5], предлагая либо быстрые и понятные стимулы, либо богохульный танец в честь культуры успеха.

Мы пришли к рефлексивному бессилию: в политике это проявляется в коммунистическом проекте СССР и КНР, один громогласно пал, другой же пошел по пути капитализации. Либерализм же стал собственным антиподом, став марионеткой корпораций, потеряв собственный запал. Везде мы ставим границы и границы, в надежде перестать

видеть ужас и нашу боль от него.

Депрессия — следствие ужаса и общественного сна

Депрессия и постмодерн — два неразлучных друга, что питают друг друга кровью и "чувством поражения". Лавкрафт[6] одним из первых отправился в эту бездну, являя стороны ужаса в образах и языке. На сцену выходит хаос под личиной ужаса, где научный метод отскакивает, а философская кочерга растворяется в черной жиже. Это всё те же прообразы двух явлений нашего времени — депрессии и рефлексивного бессилия.

В итоге мы проиграли антропологическую войну: но быть может темная философия поможет нам восстать из пепла...

Источники и литература

- 1) Делёз, Ж. (1968). Различие и повторение.
- 2) Кант, И. (1781). Критика чистого разума.
- 3) Гёдель, К. (1931). О формально неразрешимых предложениях «Principia Mathematica» и смежных систем.
- 4) Лавкрафт, Г.Ф. (1927). Сверхъестественный ужас в литературе.
- 5) Ланд, Н. Кант, капитал и запрет на инцест(1982). .
- 6) Лейбниц, Г.В. (1714). Монадология.
- 7) Мейясу, К. (2008). После конечности: эссе о необходимости контингентности.
- 8) Поппер, К. (1935). Логика научного исследования.
- 9) Витгенштейн, Л. (1921). Логико-философский трактат.
- 10) Фишер, М. (2009). Капиталистический реализм: нет альтернативы?
- 11) Декарт, Р. (1641). Размышления о первой философии.
- 12) Кантор, Г. (1891). О некотором свойстве множеств.